

Валентина Светлакова

18+

Повороты судьбы

Сентиментальный роман

Валентина Павловна Светлакова

Повороты судьбы.

Сентиментальный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41132001

SelfPub; 2024

Аннотация

На первый взгляд у Лены все есть для счастья – любящий муж, относительное материальное благополучие. Но счастлива ли она в действительности? В какой-то момент она круто меняет свою жизнь. На этом пути ее ждали ошибки и разочарования, но они ее не сломали, а позволили обрести внутреннюю силу. Она стала терпимее, научилась ценить то, что имеешь, и быть благодарной за все, что ниспошлет судьба, поскольку поняла, что человеку дается испытаний, сколько он может перенести, и уже от него зависит, как принимать трудности – как удары судьбы или как ее уроки.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Валентина Светлакова

Повороты судьбы.

Сентиментальный роман

Глава 1

«Какой чудесный день, какой чудесный я и песенка моя...» – мурлыкала про себя Лена, непроизвольно улыбаясь и получая ответные улыбки от прохожих. День действительно был чудный – солнечный и ясный, когда ни единого облачка не омрачало ясного неба над Москвой.

Лена очень любила это время года – начало мая, когда уже можно было подставить лицо теплым лучам солнца, почувствовав прикосновения ласкового ветра, и наслаждаться свежестью воздуха, наполненного пьянящим запахом весны, впитывая его полной грудью. Девушка не шла, а летела, словно танцуя под музыку весны, нотами которой выступали и набухшие почки сирени, и изумрудная зелень только что распутившейся листвы на деревьях, еще нетронутая пылью огромного мегаполиса.

Выходя из метро станции ВДНХ, Лена увидела у колонны одиноко стоящую пожилую женщину в платочке, повязанном по-деревенски. На ее худеньких плечах болтался по-

тертый мужской пиджак, а рядом у ног, обутых в стоптан-ные бесформенные туфли, стоял ярко-красный пластмассо-вый тазик с букетиками фиолетово-сиреневых фиалок, об-ложенных упругими темно-зелеными листьями.

– «Какая удача! Сегодня явно мой день! Солнце, любимые фиалки! Волшебно! Да и Маринку порадую! – в восхищении подумала девушка, подойдя к женщине с цветами.

– Счастья тебе, красавица! – сказала та, улыбнувшись ей и протягивая букетик фиалок. Морщинистое загорелое ее ли-цо преобразилось от внезапной улыбки, обнажившей креп-кие белые зубы, а потухший взгляд стал теплым. «А ведь она ровесница моей мамы», – почему-то подумала Лена. Взяв из натруженной руки с толстыми венами букет, она вдохнула пленительный аромат первых весенних цветов и почувство-вала себя чуть ли не принцессой эльфов, получившей тайное послание от лесной феи в образе деревенской женщины.

«Эта женщина чем-то похожа на мою прабабушку Прас-ковью», – подумала девушка, улыбнувшись в ответ. Надо сказать, что улыбка у Лены была «главным ее женским ору-жием». Когда она улыбалась, то лицо ее изнутри освещалось мягким светом, а россыпь нежных веснушек придавали ему неповторимое очарование. Как сказал Шолом-Алейхем, та-кие лица очаровывают с первого взгляда: «Любите меня!» – говорит вам такое лицо, и вы начинаете его любить, не зная за что».

Мама часто называла ее «принцессой», а окружающие –

«солнышком». Сегодня Лена и чувствовала себя принцессой в предвкушении подарков от судьбы. А почему бы и нет. Месяц назад ей исполнилось девятнадцать лет, она очень даже ничего, миленькая. И чтобы еще раз найти этому подтверждение, проходя мимо универсама, девушка посмотрела в сверкающее стекло огромной витрины магазина, недавно протертое работником. Оно отразило невысокую хрупкую фигурку с копной светло-каштановых волос, обрамляющих бледное лицо с высокими скулами и сияющими в пол-лица глазами.

Увиденное явно порадовал девушку:

«Да, Елка, хоть ты и не первая красавица, но «чертовски миленькая», – удовлетворенно подумала она.

Дополнительной уверенности придал ей и щегольской наряд. Сегодня Лена впервые надела новый венгерский плащ цвета лаванды, удачно купленный мамой в переходе ЦУМа, который дополнили блестящие коричневые лодочки. И во все это великолепие она облачилась по случаю Дня рождения ее лучшей подруги – Маринки, самой красивой и веселой девушки на их потоке. Состояние душевного подъёма усиливала льющаяся из динамика песня Юрия Антонова «Для меня нет тебя прекрасней...», перекрывающая шум автомобилей.

Лена взглянула на маленькие часики – подарок мамы на восемнадцатилетие. «Ого, уже, без семи двенадцать! Обещала Маринке, что приду вовремя, а уже опаздываю минут

на сорок», – в панике подумала девушка и ускорила шаг.

Марина жила недалеко от Останкино на улице Бориса Га-лушкина, в фундаментальной «сталинке». Уже подходя к до-му подруги, Лена увидела у подъезда двух высоких парней в форме курсантов. Они галантно перед ней расступились, когда она поравнялась с ними, и один из них, восхищенно глядя на девушку, воскликнул:

– Какие красивые цветы!

– Сережа, какие цветы! Ты посмотри, на девушка, какая прелесть! – громко сказал второй, и, повернувшись к Лене всем корпусом, вскинул правую руку к козырьку фирменной фуражки, четко произнес:

– Девушка, разрешите познакомиться? Это мы вас встре-чаем!

Лена улыбнулась ему своей самой лучезарной улыбкой, и распрямив плечи, с прямой спиной и с высоко поднятым подбородком («взгляд на уровне третьего этажа», как учила их филологиня Майя), походкой танцовщицы молча прошла мимо. Весь ее вид говорил, что она девушка порядочная и на улице не знакомится.

«А ребята очень даже ничего, симпатичные, особенно юноша с серыми глазами, Сережа, кажется», – отметила про себя Лена.

Подъезд, в который она вошла, был под стать дому – го-стю встречала лестница с широкими мраморными ступеня-ми и лифт с металлической резной решеткой внутри. И хотя

квартира Марины была на третьем этаже, и вполне разумно было подняться по лестнице, Лена всегда медленно поднималась на лифте-пенале, уж очень ей нравилось это необычное для современных домов сооружение.

Они с мамой жили в панельном девятиэтажном доме с грязным подъездом, где навечно поселился запах прогорклой капусты и жареной рыбы. Стены узкого подъезда с облупленной краской пестрили надписями типа «Ленка дура» или «Маша + Ваня = любовь» или любимые три буквы советских подростков. А выщербленные ступеньки при вечно разбитых подъездных лампочках грозили вывихом лодыжки. Дом находился вдали от центра – на Зеленой проспекте в Перово. Как же Лена мечтала жить когда-нибудь в таком же доме как Маринкин – с торжественной мраморной лестницей, с высокими потолками и огромным светлым холлом, а не в обшарпанной панельке.

Мама же радовалась их жилью, которое они приобрели в результате обмена огромной комнаты в коммунальной квартире на Остоженке на отдельную двухкомнатную квартиру, хотя и несколько далеко от исторического центра города. Теперь у обеих была отдельная комната и своя кухня, а не стол в длинной темной кухне, где притык стояли еще пятнадцать столов других жильцов, и вечно висело чье-то мокрое белье, впитывая в себя запах жареной картошки и прогорклого лука.

После школы Лена поступала на исторический факультет

в МГУ, но, не набрав всего два балла, подала документы в Московский педагогический институт. С Мариной они подружились в первый же месяц учебы. Девушку в Лене привлекала ее обстоятельность, обязательность и милая внешность. А Маринка понравилась Лене своим легким характером и веселым нравом, к тому же она слыла первой красавицей курса. Марина росла в семье торговых работников межторга, по советским меркам более чем обеспеченной, и родители исполняли любой каприз единственной дочери.

Выйдя из лифта, Лена позвонила в квартиру с массивной деревянной дверью с закрепленной на ней золотой табличкой с фамилией хозяина квартиры. Марина тот же час открыла дверь, и, целуя подругу в щечку, сразу же ошарашила новостью.

– Ленуся, кроме Славки придут еще двое супермальчиков! Очень симпатичных и веселых! Один из них сын маминной подруги, ну, а второй его друг, – торжественно проговорила Маринка, как будто сообщая о визите английской королевы. – Кстати, что-то они задерживаются, – уже озабоченно добавила она, посмотрев на маленькие золотые часики, инкрустированными блестящими камушками, которые подарили родители на День рождения.

Лену эта новость несколько огорчила. Со Славкой – двоюродным братом Марины они уже были знакомы и друг другу симпатизировали, и перспектива провести вечер в компании незнакомых молодых людей ее вовсе не обрадовала. Ле-

на в отличие от Маринки очень избирательно относилась к новым знакомствам, впуская в свой внутренний мир только тех, кому очень доверяла.

Через пять минут позвонили в дверь и, ...каково же было удивление девушки, когда она увидела, что этими «супермальчиками» оказались те симпатичные юноши, так щедро ее одарившие комплиментами несколько минут назад.

Молодых людей неожиданная встреча с Леной явно обрадовала и, они не скрывали своих эмоций, одаривая ее и Марину комплиментами и лучезарными улыбками.

– Знакомься Ленуся. Это – Сережа и Володя, курсанты артиллеристского училища, через месяц выпускаются и становятся новоиспеченными лейтенантами Советской Армии! – торжественно представила их Марина подруге. – А это Ленка – моя лучшая подруга и однокурсница и вообще – умница и красавица.

Вскоре вся компания, считая и Славку, дружно и шумно уселась за красиво сервированный стол. Курсанты заняли места по обе стороны от Лены. Славка – очкарик с нескладной худой фигурой, сидел с кислой физиономией, он симпатизировал Лене, но на фоне этих «красавчиков» явно поблек. Кареглазый Володя с первой же минуты очень настойчиво стал ухаживать за понравившейся девушкой, накладывая ей в тарелку салаты и наливая сок в бокал, предварительно выяснив, что она совсем не употребляет алкоголь, даже легкого шампанского.

Лена краем глаз посматривала на незнакомцев и отметила, что Володя являлся обладателем очень эффектной внешности. Высокий, широкоплечий, с озорным взглядом карих глаз на несколько удлинённом лице, густыми короткими каштановыми волосами, он не мог не нравиться девушкам и прекрасно об этом знал. К тому же юноша был очень общительным, имел в запасе огромный арсенал комплиментарных слов, чтобы сразить ими любую девушку.

– Владимир, от слова «владеет миром», – охарактеризовал он себя, стараясь с первых же минут полностью завладеть вниманием Лены. Робкие попытки Сергея поухаживать за ней сразу же им пресекались. Уже через полчаса общения Лена знала о Володе исчерпывающую информацию – из какой семьи, сколько лет, почему поступил в военное училище и каких карьерных высот достигнет, какие девушки ему нравятся и многое другое. При этом он осыпал Лёну таким количеством искусных комплиментов, которых она не слышала за всю свою девятнадцатилетнюю жизнь.

Ей ещё при первой случайной встрече больше внешне Лёне понравился Сергей. Он совпадал с образом из девичьих грез. Юноша был обладателем романтической внешности – тонкая мальчишеская фигура, выше среднего роста, бледное тонкое лицо с серыми глазами, обрамлёнными черными длинными ресницами. «Как у девушки», – отметила Лёна. Но Сережа был таким же застенчивым, как и она, не таким ярким и общительным, как Володя, привыкший быть

душой любой компании и знавший как ухаживать за девушками. К концу вечера у Сережи уже не было никаких шансов, а Володя вел себя уже как молодой человек Лены.

– Леночка, – сказал он как-то торжественно, взяв девушку за руку, – Вы верите в любовь с первого взгляда?

Лена смутилась, лицо ее покрылось нежным румянцем. И понимая, что несет несурязицу, и стараясь придать голосу равнодушные нотки, не глядя на юношу, ответила:

– Из опыта мировой литературы я об этом знаю, но ни сама, и ни никто из знакомых такого не испытывал, поэтому больше склоняясь, что это присуще литературным героям, а в реальной жизни навряд ли, – ответила она, чувствуя фальшь своих слов, и покраснела от досады.

Ей впервые признавались в любви с глазу на глаз – телефонные звонки и любовные записки от одноклассников не в счет. Отвечая на вопрос Володи, как-то по-книжному, она пыталась преодолеть смущение, вызванное его прямотой.

– Леночка, один из таких перед вами! Я влюбился в вас сразу, как только увидел перед собой прекрасную девушку с букетиком цветов. Вас, Леночка. – Он выразительно посмотрел на нее и взял за руку. – Сразу и навсегда! – высокопарно произнес Володя, сжимая ее ладонь.

Теперь его слова и тон вызвали у девушки иронично-озорную улыбку. И уже сам смутившись от ее реакции на признании в любви, с несвойственной ему робостью сказал:

– Леночка, разрешите пригласить вас на свидание, в сле-

дующую субботу, в день увольнения?

– Хорошо, – пообещала она, осторожно убирая ладонь из его горячих рук. – После занятий мне надо навестить бабушку в Сокольниках, можем с вами встретиться в парке.

«Почему бы и нет», – подумала она, – парень очень симпатичный, да еще и будущий военный, как папа».

Никакой бабушки в Сокольниках у нее не было, но ей очень нравилось это место, где они с родителями в детстве очень часто бывали.

– Значит в субботу? В парке Сокольники? – спросил он, вновь приобретя прежнюю уверенность и удерживая ее пальчики.

– Смотри, Ленка! Оба на тебя запали! А я ведь одного для тебя пригласила, другого для себя, – сказала со смехом Марина, оставшись с подругой наедине, когда гости распрощались, и они остались вдвоём.

– Маринка, я не претендую ни на одного! – горячо ответила Лена.

– Успокойся, подруга, это я так! Мне, кроме моего Вадима, никто не нужен! – уже с тоской в голосе сказала Марина.

– А ты его сегодня приглашала? – участливо спросила Лена подругу.

– Разумеется, приглашала! Но он не смог прийти, жена целый день дома. Пошли всей дружной и счастливой семьей в цирк! – с горькой иронией ответила Марина.

– Маринка, ну как ты можешь с женатым мужчиной встречаться! Это не совсем честно по отношению к его жене, ребенку! – с возмущением проговорила Лена. – С твоей то внешностью у тебя поклонников и без него «воз и маленькая тележка! Встретишь еще в сто раз лучше, чем он!

Действительно, у Марины была очень запоминающаяся внешность – высокая, стройная, с длинными, как смоль волосами и черными глазами на смуглом лице, – она многих юношей на курсе сводила с ума. Да и характер у нее был под стать внешности – находчивая, с природным острым умом, веселая, душа компании... Любой был бы счастлив встречаться с ней, а она, поди ж ты, влюбилась в женатого, с ребенком, да еще и много старше себя. Во истину – любовь зла...

– Не морализуй хотя бы ты! И вообще, Ленка, маленькая ты еще, хоть мы и ровесники. Когда влюбишься, то не думаешь – женат он или свободен! Сердцу то не прикажешь! – с раздражением ответила Марина, со звоном расставляя сервиз «Мадонна» в сервант.

– Ну не знаю, я бы так не смогла! Да и старше он тебя лет на десять лет, так?

– На девять.

– А что дальше? Так и будете тайком встречаться? Что он говорит? Разводиться собирается? – закидала подругу вопросами Лена.

– Ленка, он любит меня, по крайней мере, так говорит. И

я ему верю! – воскликнула Марина, на глазах ее выступили слезы. – Обещает, что когда сыну исполнится восемь лет, то разведется.

Она села в глубокое кресло, взяла с полированного журнального столика пачку сигарет «Мальборо», зажигалку и закурила. Маринка курила с пятнадцати лет, делала она это красиво, даже как-то по театральному.

– Врет, наверное, – после затянувшейся паузы тихо сказала она, глядя на кончик сигареты. Потом стряхнув пепел в хрустальную пепельницу с вызовом добавила:

– Но мне сейчас все равно – хоть несколько часов в неделю, да мой! Вот только маму жалко, она очень переживает из-за этого, хоть и тщательно скрывает, старается меня поддержать, но я то вижу...

– А отец знает? – спросила Лена.

– Да ты что! Узнает – с работы Вадьку выгонит, он же его заместитель. Постой, я тебе Вадькину фотографию покажу, ношу всегда с собой. Правда, он симпатичный? – с гордостью спросила Марина, торопливо достав слегка помятую фотографию из бюстгальтера и протягивая ее подруге.

Лена долго, внимательно рассматривала фото:

– Я бы сказала красивый, даже чересчур. Типичная внешность актера- любовника, – наконец ответила она. – Но не в моем вкусе. «Да и глаза у него какие то рыбы», – подумала Лена, но вслух не решилась озвучить «крамольную» мысль, чтобы не обидеть подругу, и протянула ей фотографию.

– Много ты в мужской красоте понимаешь! – сказала снисходительно Марина, убирая фотографию в заветное место. Но увидев расстроенное лицо подруги, обняла ее за плечики:

– Не обижайся, Ленок, но для меня лучше моего Вадьки мужчины не существует! Вот влюбишься, тогда и поговорим!

– Это ты на меня, Мариночка, не обижайся, ведь у каждого своего вкуса. Да и не осуждаю я тебя – вовсе нет. Ты моя самая лучшая подруга, хочется, чтобы ты была счастливой.

– А я и есть счастливая! Самая счастливая! Какие наши годы, Ленка. Только сейчас и можно влюбляться! Не в тридцать же, когда старухами будем! – сказала она, смеясь, и закружила Лену огромной по кухне.

Раскрасневшиеся, они рухнули на стулья и еще долго не могли успокоиться от беспричинного веселья, какое только и бывает в беззаботной юности.

– Ленок, а к ребятам тебе надо присмотреться, – уже серьезно сказала Марина. – Оба очень достойные кандидатуры в мужья. Сережка москвич, сын маминой университетской подруги, мальчик сентиментальный, стихов много знает, два языка. Родители его в дипломаты готовили, а он в военное училище поступил. Мои и его родители мечтали породниться, но мы с ним только друзья – товарищи. Ну, а Володька... Я его мало знаю, но, если бы не мой Вадька, я бы в него точно влюбилась. Из семьи потомственных военных, и

как мне показалось, очень надежный, с таким не пропадешь. Один недостаток – нравится женщинам и знает об этом. Будет, как мой Вадим «налево» ходить. А в тебя он, Ленка, влюбился. Поверь моей интуиции. Так что смотри, не теряйся! – со смехом сказала Марина, обнимая подругу.

– Скажешь тоже, влюбился! – фыркнула Лена, покраснев.

Девушка и сама чувствовала, что оба юноши испытывают к ней симпатию, и скоро ей предстоит свидание с одним из них.

Глава 2

Лена с нетерпением ждала предстоящей субботы. Нельзя сказать, что она влюбилась в симпатичного, общительного курсанта, но он привлек ее своей мужской харизмой, настойчивостью, и что греха таить, ей нравилось быть «принцессой». А Володя владел редким умением для молодого человека создавать атмосферу, когда девушка чувствовала себя настоящей принцессой, когда ею восхищаются и перед которой «преклоняют колена».

С Володей они договорились встретиться у входа в парк Сокольники. В этот день стояла чудесная погода, когда воздух кажется прозрачным, вся природа по-весеннему обновляется и радуется этому новому обновлению. Встретившись, как старые знакомые, Лена с Володей долго гуляли по зазеленевшим аллеям и узким тропинкам парка, беспричинно смеясь, как дети. Все вокруг вызывало у них бурный восторг – и белочка-попрошайка, схватившая с Лениных рук кусочек печенья, и тут же, неподалеку его зарыв, чтобы полакомиться потом в одиночестве или отнести в гнездо; или деловито пробежавший еж с прошлогодней шишкой на спине; или пожилая пара, молча медленно шедшая впереди по аллее, бережно поддерживая друг друга. И Лене, и Володе чувствовали, что что-то новое, до сих пор неиспытанное зарождалось внутри каждого, и оно – это неизведанное и теплое,

обещало настоящее счастье.

Потом они поехали на Ленинские горы слушать соловьев, чье завораживающее пение привлекает в это место влюбленных с середины мая со всей Москвы. Им повезло, и они наслаждались нежными, волшебными звуками, заполняющими все пространство вокруг несколько часов подряд, не отпуская рук друг друга.

Уже поздно вечером, расставаясь у Лениного подъезда, оба понимали, что влюблены по уши. Взяв хрупкие озябшие ладошки девушки в свои большие и теплые, Володя стал покрывать их нежными поцелуями, горячо шепча:

– Леночка, я тебя очень-очень люблю... Влюбился, как только увидел. Ты сама была как весна с букетиком фиалок.

А потом вдруг неожиданно опустился перед девушкой на одно колено и, не отпуская ее рук, волнуясь, произнес:

– Леночка, я хочу, чтобы ты стала моей женой, обещаю, что все сделаю, чтобы ты была счастлива. И если ты будешь рядом со мной, то я обязательно стану генералом, а ты генеральшей!

Лена молчала, опустив глаза. Володя поднялся и робко за плечи притянул ее к себе, ища влюбленными глазами ответ в ее взгляде. Потом тихо спросил:

– Ты согласна?

Ее сердце знало ответ на его вопрос, но рассудок подсказывал – «не торопись сказать – да, пусть немного помучается, да и тебе надо все взвесить».

– Мне надо подумать, я только первый курс заканчиваю, да и мама...как она к этому отнесется, – оправдывала она свой половинчатый ответ.

– Леночка, солнышко мое, скажи «да»! Через месяц мы поженимся! Ты будешь счастлива со мной, клянусь! – умоляющим голосом сказал Володя, прижимая ее крепче в себе.

Лена неувловимым движением сбросила его руки со своих плеч и устремилась в открытые двери подъезда. Все произошло в одну секунду, и, растерявшись, Володя не успел ее удержать.

– Я подумаю! – уже взбегая по ступенькам, – весело прокричала Лена. «Ну, чтобы быть генеральшей, надо выйти замуж за лейтенанта», – подумала она уже у двери своей квартиры.

Когда она вставила ключ в дверь квартиры, та тотчас же отворилась. Мама в наброшенном на ситцевую ночную сорочку байковом халате, встретила ее восклицаниями:

– Леночка, я уже обзвонила всех твоих подруг! Двенадцать часов ночи! Я уже не знала, что и думать! Куда обращаться!

– Мамочка, поздравь меня – я выхожу замуж! – торжественно с порога объявила та и бросилась обнимать и целовать мать. Ирина Сергеевна застыла от неожиданности, а опомнившись и пытаясь отстранить от себя дочь, нотками строго родителя сказала:

– Леночка, детка, тебе только-только исполнилось девятнадцать. Какой замуж?

– Мама, ты уже несколько подзабыла, но я родилась, когда тебе едва исполнился двадцать один год, – ответила Лена, и, не раздеваясь, прошла на кухню. – Проголодалась ужасно!

Ирина Сергеевна пошла вслед за ней.

– Лена, не надо сравнивать, мы были совсем другие, более взрослые и ответственные. Мы выросли в трудное послевоенное время, – говорила Елена Сергеевна, хлопоча у плиты.

– Мамочка, так говорят все мамы своим взрослым дочерям, – ответила та, жуя яблоко и усевшись за стол.

– Взрослая! Да ты до семнадцати лет без любимого плюшевого мишки не засыпала! Ты кашу не знаешь, как сварить, а туда же – замуж! Потом, по статистике почти все ранние браки заканчиваются разводом.

– Ну, научиться готовить не проблема, – парировала Лена, и встав, обняла мать за хрупкие плечи, прижавшись пылающей щекой к ее спине. – Сейчас попьем с тобой чай и обо всем спокойно поговорим.

Она усадила маму на старенький венский стул, а сама деловито нарезала хлеб, щедро намазала его сливочным маслом и достала тонкие фарфоровые чайные чашки из старинного облезлого буфета, перешедшего к ним от бабушки.

Ирина Сергеевна, натягивая ворот халата на тонкой шее, с тревогой и беспокойством смотрела на действия дочери, ей даже показалось, что ее «маленькая девочка» повзрослела за

этот вечер года на два, не меньше.

– И кому же так несказанно повезло? – с иронией спросила она через несколько минут, с любовью и нежностью смотря на дочь.

Лена поставила чашки на стол и внимательно посмотрела на мать, как будто впервые увидев. Глядя на ее тонкий пробор в густых смоляных волосах с редкими серебряными нитями, на матово-бледное лицо с огромными серыми глазами с едва означившимися морщинками под ними, она невольно ею залюбовалась.

– Мамочка, какая ты у меня красавица! – восхищенно воскликнула Лена, снова бросившись к ней на шею.

– Ты мне зубы не заговаривай, невеста! Давай, рассказывай про своего суженного! – смущенно рассмеявшись, ответила женщина, понарошку отталкивая от себя дочь.

– Ах, да, я уже и забыла, что замуж собралась! – подыгрывая матери, ответила Лена. – И вообще, зачем замуж? Нам так хорошо вместе, – ластилась она к матери как маленькая девочка.

– Ну, рассказывай, невеста без теста! – сказала та, глядя мягкие шелковистые волосы дочери.

– Во-первых, он самый замечательный. Красивый, умный и такой юморной! Через месяц оканчивает военное училище. Во-вторых, Володя из очень хорошей семьи – мама детский врач, а отец полковник медицинской службы, живут в Харькове.

– Да, – с грустью сказала Елена Сергеевна. – История повторяется. Леночка, мы в Москве постоянно живем только десять лет, а до этого ты за два года сменила три школы. Будешь как и я мотаться по гарнизонам, не имея собственного жилья, не получив нормального образования? – задала она дочери риторический вопрос. – Да я только ближе к сорока начала ощущать себя профессионалом в своем деле, хозяйкой в собственном доме... – волнуясь, говорила она дочери.

– Но мамочка, с папой вы прожили десять счастливых лет и жили бы до сих пор, если бы он не погиб! – перебила ее Лена, уловив нервическое состояние матери.

Андрей, муж Елены Сергеевны, трагически погиб, исполняя «воинский долг», когда ей едва исполнилось тридцать, а дочери было десять лет. Через несколько лет, уже в Москве, она стала встречаться с коллегой по работе, но ответить на его любовь так и не смогла. Однолюбкой оказалась, а просто замуж...зачем? Они жили вдвоем с дочкой со светлой памятью о муже и отце, обожая друг друга. Леночка никогда не доставляла ей хлопот – росла умненькой жизнерадостной девочкой, ходила в школу бальных танцев в местный ДК культуры, много читала и даже выучилась вышивать.

– Самое главное, Леночка, выходить замуж за военного надо по большой любви, – уже успокоившись, задумчиво проговорила Елена Сергеевна. – Только во имя любви можно терпеть и преодолевать предстоящие трудности: каждый раз начинать все сначала, сменив не один гарнизон, быть го-

товой к тому, что вода, доченька, будет течь не из крана, а ее надо будет принести из колодца или из колонки во дворе. Там же могут находиться и все остальные удобства, к которым ты так привыкла. Но и не это главные трудности, а то, что не видеть мужа по несколько недель, так как он выполняет очередное задание, потому что есть «такая профессия – Родину защищать», а ты будешь ждать, не зная, когда вернется и вернется ли. – На глаза Елены Сергеевны навернулись слезы и, приложив огромное усилие, чтобы не заплакать, она продолжала:

– Там меня рядом не будет, и тебе, Леночка, придется рассчитывать только на себя, муж тебе в быту не помощник. Ты к этому готова в свои девятнадцать?

– Мама, наверное, ты, как всегда во всем права. Ты сама с папой прошла через все это. И, как и все матери, ты желаешь мне счастья. Но я сама хочу прожить свою жизнь со всеми ее трудностями и проблемами, о которых ты говоришь. И прожить именно с этим мужчиной!

– Леночка, ну вы едва знакомы. И потом – любишь ли ты его? – с тревогой в голосе спросила мать, ища взгляд дочери.

Этот вопрос застал Леночку врасплох:

«А действительно любит ли она его? То, что Володька любит, у нее сомнения не вызывало. А она? Еще минуту назад она была уверена, что любит, по крайней мере, влюблена – каждую секунду и минутку она думала только о нем. Впервые сильное чувство переполняло ее, душа ее пела, улыбка

не сходила с прелестных губ, и вся она светилась от счастья и необъяснимого восторга. Что это, если не любовь с ее стороны? Любит ли она Володю, как Маринка своего Вадьку?», – все эти мысли мгновенно роем пронеслись в ее головке. Но отвечать и анализировать ответы на них она не захотела. "Конечно, люблю!" – ответила она себе.

На Лену слова мамы возымели обратное воздействие. Она еще больше уверилась в своем решении выйти замуж за будущего лейтенанта Володю, уехать с ним чуть ли не в Сибирь как жена декабриста и стойко преодолевать «эти самые трудности». Ну а институт, в конце концов, можно окончить и заочно.

Глава 3

В начале июня Лена и Володя поженились. Свадьба была скромной, как и многие свадьбы в середине восьмидесятых. Володины родители приехать не смогли, тяжело заболела бабушка, но выслали на свадьбу восемь тысяч – огромная сумма по тем временам, равная покупке автомобиля «Москвич». На талон в салоне для новобрачных под названием «Весна» молодые купили для Лены белое короткое платье, недорогое, но очень элегантное, с выбитым кружевным узором, и широкие свадебные кольца. А белые французские лодочки – мечта любой девушки Советского союза, достала бывшая одноклассница, продавец главного магазина страны – ГУМа, за огромную по тем временам сумму – 50 рублей.

День свадьбы выдался солнечным и по-настоящему летним. Володя приехал к ЗАГсу с огромным букетом роз и в своей новенькой лейтенантской форме выглядел настоящим красавцем. Лена в свадебном платье, слегка облегающем ее хрупкую фигурку и высокой прической, украшенной белыми цветами, смотрелась истинной юной леди. Свидетелями пары были Сережа и Марина. Во время регистрации Володя шепнул Лене на ухо: «И в горе, и в радости... Обещаю, что больше в радости!». Она посмотрела в его любящие глаза и только слегка кивнула. За один месяц столько всего произошло, что Лена еще полностью не осознала важность проис-

ходящего события в своей жизни.

Свадьба проходила в небольшом уютном кафе на набережной. Гости – в основном новоиспеченные лейтенанты со своими подругами, пели под гитару бардовские песни, красиво танцевали вальс, обучившись этому в училище, мало пили и много смеялись. А еще много шутили над будущей кочевой жизнью молодоженов, рассказывая байки из жизни своих родителей или знакомых. Большинству из этих молодых лейтенантиков как раз и предстояла такая неустроенная в бытовом плане жизнь в ближайшие лет пятнадцать.

Уже в конце вечера случился один курьезный инцидент. Напился непьющий Серега и, взяв слово как свидетель, с пафосом произнес:

– Володя и Леночка, желаю вам счастья и много детишек, – и потом, повернувшись к другу, – Но на твоём месте Володька должен быть я, потому что никто не будет любить Елку больше меня. Даже ты.

Выпив полный бокал шампанского, он с яростью бросил его об пол. Постоял минуту в полной тишине, ставившись в пол, затем быстро прошел через весь зал к выходу. Гости посмеялись, сочтя его странные слова как неудачную выходку ранее не пившего молодого человека и потерявшего контроль. Одна Леночка поверила в искренность его слов, хотя и не подала виду, посмеявшись вместе со всеми.

– Ну как, подружка, ночь провела? – позвонила на следу-

ющий день Марина.

– Давая без пошлостей, ладно? – покраснев, ответила Лена.

– Извини, Ленюсь. Не разбудила? Сережка вчера явился к нам домой далеко за полночь, пьяный вдрызг, и до утра плакался мне в плечо, как он тебя любит, что ты для него единственная на всю жизнь. Короче, нес всякую сентиментальную чушь. И я с ним всплакнула. Мы же с Сережкой оказались почти в одной ситуации.

– Смешной он, – сказала Лена, нервно перебирая пальцами бахрому скатерти. – «Ах, Серега, Сережка – Сероглазка!» – промелькнула мысль.

В оставшиеся несколько дней отпуска молодожены решили поехать к Володиным родителям в Харьков.

– Володя, а вдруг я им не понравлюсь? – держа мужа за руку, заволновалась Лена, когда поезд прибывал на станцию. Уж очень ей хотелось понравиться новым родственникам.

– Любимая моя, ты не можешь не понравиться! – ответил он, привлекая ее к себе и нежно целуя в щеку.

Встречали их на вокзале с огромным букетом красных пионов. Нина Иосифовна – мама Володи, маленькая худенькая симпатичная женщина, с копной выующихся каштановых волос, обняв Леночку, сразу же стала называть ее «моя девочка». Отец – Виталий Семенович, высокий статный мужчина со звучным голосом, сначала шумно поприветствовал сына, чуть не задушив его в объятиях, а потом протянул большую

красивую ладонь Лене. «Вот в кого Володька, прямо под копирку», – подумала она.

Оба новых родственника сразу же понравились Лене, и, почувствовав симпатии с их стороны, она немного успокоилась.

Сразу же по приезду с вокзала вновь образованная семья села за хорошо сервированный стол с накрахмаленной белой скатертью и цветами в изящной хрустальной вазе. Все, как любили они с мамой, устраивая себе тихие семейные праздники. И этот первый совместный обед молодая жена запомнила на всю жизнь. Хотя Лена и успокоилась при встрече, но, когда сели за стол она снова засмушалась от волнения. Володя отлично понимал ее состояние и старался поддержать. Видя, что она ничего не накладывает в свою тарелку, он стал заботливо за ней ухаживать как за маленьким ребенком – положил салат, хлеб, налил сок. Лена интуитивно почувствовала, как напряглась Нина Иосифовна: хотя доброжелательная улыбка не сходила с ее милого лица, но спина ее напряглась, и пальцы левой руки судорожно сжали вилку.

После обеда Володя предложил молодой жене показать «старую» часть города. Гуляя по брусчатой мостовой, он много рассказывал о своем детстве, о счастливых мгновениях, связанных с местами, мимо которых они проходили. Лена не перебивая, внимательно его слушала. Он раскрывался с совершенно другой стороны, ее поразила глубина и искренность его суждений. Это «узнавание» вызвало в ее гру-

ди теплое чувство, и она теснее прижалась к мужу. И сейчас, любуясь его мужественным профилем, она вдруг поняла, что любит его, по-настоящему, как мама отца, и решение выйти за него замуж не было спонтанным. И что он, ее Володечка, самый дорогой и родной для нее человек на свете, наравне с мамой.

Они пешком дошли до Покровского сквера. Лена искренне восхищалась его фонтанами, редкими старыми деревьями и чудесными видами на соборы города. Уже изрядно уставшие, они сели на деревянную скамью под могучим деревом, тесно прижавшись друг к другу, став на несколько минут гармоничным целым. Лена внутренним женским чутьем почувствовала, что сейчас можно поговорить с мужем о своих ощущениях, беспокойстве, возникшем у нее во время обеда с родителями мужа.

– Володенька, мне очень понравилась твои родители, – начала она, глядя его большую красивую ладонь с длинными пальцами.

– Ты им тоже, – ответил он, прижимая ее ладонь к своим губам.

– Твои родители тебя очень любят, особенно Нина Иосифовна.

– Знаешь, мама в детстве меня оберегала от «любого сквознячка» и до шести лет я рос явно «маменькиным сынком». Папа как мог противодействовал ей в этом, даже записал меня в секцию бокса, но мама, узнав об этом, заката-

ла грандиозный скандал – «а вдруг у мальчика будет сотрясение, или нос разобьют и руку сломают!». Пришлось отцу из секции меня забрать. С мамой лучше было не спорить в методах моего воспитания. Но мы с ним за ее спиной договорились, что на уроках физкультуры в школе я буду лучшим. Да и бегать по утрам он меня приучил. Но мамину опеку я ощущал постоянно, одним словом – «докторский сынок». Я и в военное училище пошел, чтобы познать настоящую жизнь, почувствовать себя мужчиной, ответственным за свою жизнь. Хотя в первое время мне действительно было трудно без маминых обедов и ее постоянной заботы, – рассмеялся Володя.

«С какой любовью он говорит о родителях!», – с нежностью подумала Лена.

– Любимый мой, я тобой очень горжусь! И родители тобой гордятся! – горячо сказала Лена. – Но сейчас я хочу тебя кое о чем попросить. Только не смейся, хорошо?

– Проси о чем хочешь! Хоть луну с неба достать! – с улыбкой ответил Володя, но увидев огорчение на лице жены, уже с участием произнес:

– Что случилось, солнышко? Я что-то сделал не так?

– Да, милый. Ты очень был внимателен ко мне за обедом, даже слишком! И как мне показалось, Нину Иосифовну это огорчило, хотя она и старалась скрыть свои эмоции. Мы, женщины, такие обидчивые! Вот ты только что рассказывал, как она о тебе заботилась. А сейчас ей хочется полу-

читать это внимание и заботу от тебя, такого взрослого и красивого, – Лена погладила мужа по руке. – Ты же, за столом ухаживал только за мной, и ей это не понравилось. Для налаживания хороших отношений между Ниной Иосифовной и мной – главных женщин в твоей жизни, постарайся разделять внимание и заботу между нами поровну. Тем более мы же здесь ненадолго. Хорошо! Ей будет очень приятно осознавать, что она вырастила не только галантного мужчину, но и заботливого сына. Подожди, милый, не перебивай, – торопливо сказала Лена, увидев его стремление возразить ей. – Вот о чем я подумала – вот родится у нас сын, мы будем о нем заботиться, не спать ночами, когда у него режутся зубки, или когда у него высокая температура. Потом переживать, когда он уйдет в поход с друзьями. Радоваться вместе с ним его успехам, огорчаться неудачам. И незаметно из мальчика он вырастет в красивого мужественного юношу, как его папочка. Потом он влюбится, женится, и будет забывать поздравлять нас с Днем рождения, звонить и интересоваться, как мы себя чувствуем. Ужасно грустно, правда?

– Ну, ты и паникерша! – засмеялся Володя. – Но я все понял. Сейчас мы на трамвайчике поедem на базар, там еще, наверное, сидят бабушки с цветами, купим маме ее любимые белые розы. Какая ты, солнышко мое, мудрая! – восхищенно сказал Володя, глядя влюбленными глазами на Лену.

Глава 4

Младший лейтенант получил направление в степной городок под Ростовом-на-Дону, с одноэтажными частными домами и несколькими панельными многоэтажками. Вновь прибывшим выделили большую комнату в общежитие, оказавшуюся светлой и квадратной, с двумя окнами, но крайне запущенной. Похоже, прежние ее обитатели мало озаботились об уюте – обои висели лохмотьями, пол неопределяемого цвета, окна настолько грязные, что едва пропускали свет. «Мама меня предупреждала», – с грустью подумала Лена, осматривая их новое жилье. Первую ночь они заночевали на матрасе, оставленном предыдущими хозяевами комнаты, благо постельное белье на первое время Елена Сергеевна предусмотрительно заставила дочь взять с собой.

Со следующего дня начались обычные будни молодой жены военного. Володя в шесть утра отправился к командиру части. Лена тоже встала в столь необычно для нее раннее время, умылась в общей умывальне в конце коридора и пошла на кухню ставить новый, разрисованный букетиками полевых цветов чайник – подарок свекров. В столь ранний час там уже кашеварили ее соседки – Люба и Света, жены старших лейтенантов. Они снабдили вновь прибывшую ведром, тазиком, стиральным порошком и ворохом тряпок для уборки. И Лена принялась за благоустройство своего самого пер-

вого «семейного гнездышка». Сначала она до блеска оттерла старыми газетами мутные стекла окон. Пол после ее титанических стараний приобрел красивый коричневый оттенок. Чтобы подклеить отвалившиеся обои, Люба сварила клейстер из обычной муки, и помогла в этом незнакомом для Лены деле. С для первого раза получилось очень даже неплохо.

Сколько еще за восемь лет мытарств ей предстоит наклеить обоев и уже самой выступать в роли мастера!

Усталая, но очень довольная собой, Лена села на единственный стул, обдумывая, где – что можно поставить. Эти приятные раздумья прервал осторожный стук в дверь. Открыв дверь, Лена увидела двух молодых «бойцов» – своих одногодок. Смущенно улыбаясь, один из них, протягивая ей большой пакет, сказал:

– Здравствуйте, Елена Андреевна. Мы вам принесли продукты, и еще Владимир Витальевич попросил помочь с расстановкой мебели, которая в машине у подъезда.

Так в девятнадцать лет Леночка стала Еленой Андреевна, и довольно быстро привыкла к отчеству, да так, что и сама стала представляться только как Елена Андреевна. Однажды с ней произошел один курьезный случай, когда она представилась еще по отчеству. Через полгода по приезду поздним ноябрьским вечером она согнулась от боли – прихватил правый бок. Володя ужасно перепугался и вызвал скорую, которая и увезла ее в местную больницу с подозрением на острый приступ аппендицита. Молоденький хирург, подтвердивший

диагноз, настоял на срочной операции. Лена, поплавав на плече мужа, вынуждена была согласиться. Пройдя нехитрые процедуры, уже через час она стояла у двери операционной, представ перед врачами в масках в коротенькой, только что из автоклава рубашке, открывающей ее тоненькие руки, и с хвостиком волос на затылке.

– Девочка, как тебя зовут? – спросил один из них.

– Елена Андреевна, – ответила Леночка испуганным голосом. Среди мужчин, а в этой в операционной бригаде не было женщин, раздался громкий хохот.

– Ну, снимайте рубашку и проходите к нам, Елена Андреевна, – с улыбкой в голосе предложил уже знакомый молодой хирург, оказавшийся ее оперирующим врачом.

Жизнь жены военного текла своим чередом. Сидеть дома, как многие жены офицеров, почти все имеющие маленьких детей, Лена не могла, и после продолжительных усилий найти хоть какое-то занятие, устроилась в местную библиотеку. Ей очень нравилось выдавать книги, советовать, что выбрать. У нее даже появился свой круг читателей, которые предпочитали обращаться только к милой улыбчивой Елене Андреевне. В январе она съездила домой в Москву – пришел вызов на сессию, и пробыла там двадцать дней, но всем сердцем очень скучала по Володеньке и даже своим читателям.

Глава 5

Весной они с Володей узнали о долгожданной Лениной беременности. Стояла жара, привычная для конца мая в этих краях, все вокруг цвело и благоухало. Но Лену впервые весеннее буйство и роскошь южной природы не радовали. Ее первая беременность протекала тяжело и с осложнениями. Она практически ничего не могла есть, утром с трудом вставала с кровати, на груди и руках полопались мелкие капилляры. В женской консультации ей прокапали витаминные системы, но улучшения состояния не наступило.

– Ничего, милый, – утешала Лена, переживавшего за нее мужа, – максимум через два месяца все наладится.

Не наладилось. В один из июльских жарких дней, гуляя в скверике, сохраняющем относительную прохладу, она вдруг почувствовало, что по ногам течет липкая жидкость, во рту пересохло, липкий пот выступил на коже, голова закружилась, и Лена потеряла сознание. Очнулась уже в больничной палате. Врач сказал, что у нее случился выкидыш, а привезли ее на машине в больницу молодая пара, которая, на ее счастье, сидела на скамейке в том же сквере и увидели, как она повалилась наземь. Вечером в больницу примчался Володя. Лена уткнулась ему грудь и долго горько рыдала как ребенок, не промолвив ни слова. Он гладил ее по спутавшимся волосам, целовал в макушку, в глазах его стояла предательская

слеза, но стараясь не выдавать своего состояния, спокойно говорил:

– Солнышко, главное с тобой все хорошо. Я так испугался за тебя. Врач сказал, что завтра уже можно пойти домой. Мы с тобой поедem на море, отдохнешь, наберешься сил. Ты же мечтала о море, да, моя родная? Все наладится, у нас вся жизнь впереди...

Лена слушала его слова утешения, и ей казалось, что он не понимает ее горя, ее потери. «Какое море? Какой отдых?» – горестно думала она. И еще сильнее зарыдала. «Если бы рядом была мамочка, она бы нашла что сказать...». Вдоволь наплакавшись, она молча отстранилась от мужа и легла на постель, повернувшись лицом к стене.

И она, и Володя от настигшего их горя один день повзрослели.

После обследования в местной больнице, и сдав кучу анализов, Лена записалась на прием к лучшему в городке гинекологу. Пожилая женщина-врач, смотря на нее поверх очков, монотонным голосом долго говорила непонятными медицинскими терминами о группах крови, резус-факторе, особом антигене. Лена ее внимательно слушала и не могла понять, какое отношение это имеет к ней и к ее народившемуся ребенку. И только после уточняющих вопросов она, наконец, уяснила суть проблемы. Оказалось, что у Лены резус крови «отрицательный», а Володи резус «положительный», а так как первая беременность закончилась выкидышем, то

есть вероятность резус – конфликта при последующей беременности, и может так случиться, что ребенка она никогда не сможет выносить. Людей с отрицательным резусом на Земле всего около пятнадцати процентов, и она попала в этот роковой для нее процент. «Ну почему именно я!», – в отчаянии думала Лена, глядя на эту усталую врачиху, сухо сыплющую незнакомыми терминами.

После такого «приговора», у Лены случилась затяжная депрессия. Она замкнулась в себе, почти престала выходить из дома и часами сидела у окна, уставившись в одну точку. Спроси ее, о чем она сейчас думает, Лена не смогла бы ответить. Так, ни о чем. Иногда просто жалела себя, и тогда слезы катились по ее исхудавшим щекам. Соседки по общежитию сочувствовали ей, пытались вытащить ее из этого состояния, приглашали на прогулку или в гости, но она вежливо им отказывала. «У них у всех дети, разве они могут понять, что я чувствую? – эгоистически, упиваясь своим горем, думала Лена. О том, что чувствует муж, что ему также тяжело, она не думала.

Володя, потеряв всякую надежду вывести жену из этого состояния, вызвал из Москвы Елену Сергеевну. Увидев дочь, с потухшим взглядом, исхудавшую и разучившуюся улыбаться, у Елены Сергеевны от жалости и нежности к ней сжалось сердце. Ей хотелось взять ее на руки, и как в детстве, когда у дочки резались зубки или болело горло, укачивать, пока боль не утихнет, и ее девочка спокойно уснет. Но сей-

час перед ней была взрослая женщина, с болью в сердце, потерявшая своего еще не родившегося первенца. И кто, как не мама, может понять и поддержать свою единственную дочь!

Через два дня на семейном совете решили, что Леночка временно переедет в Москву. Там есть возможность проконсультироваться с самыми опытными врачами, пройти современное обследование и, если понадобится, лечение.

На следующий день Лена с мамой уехали. На вокзале, прощаясь с мужем, она видела тревогу и грусть в его глазах, но осталась равнодушной к его переживаниям. Сейчас ее волновало только собственное состояние, и в душе она испытывала облегчение от того, что покидает этот «пыльный городишко», где ей пришлось испытать такое потрясение. Она вновь ощущала себя слабой и маленькой под «маминым крылышком», а не Еленой Андреевной. И ей казалось, что, вздохнув столичный воздух, к ней снова вернется состояние легкости и безмятежности.

Действительно, перемена обстановки пошла Леночке на пользу. Елена Сергеевна водила ее на спектакли, гастролирующих в это время в столице лучших провинциальных коллективов, на модные выставки и показы. Лена с головой окунулась в привычную с детства жизнь, и боль постепенно утихла, притуплялась.

От Володи приходили письма полные любви и нежности, с сквозившими грустью и тоской по ней, «по его солнышку».

Каждое письмо начиналось – «единственная моя девочка», а заканчивалась фразой «целую миллион раз твои глаза и губы». Однажды, гуляя вечером в парке Горького, она залюбовалась на такую же молодую парочку, как они с Володей. И вспомнила, как еще год назад такими же счастливыми беззаботными влюбленными гуляли здесь, взявшись крепко за руки, или как сумасшедшие хохотали на цепных качелях, отталкивая друг от друга взмывающие вверх кресла и упиваясь ощущением полета вдвоем. И впервые за время расставания с мужем Лене вновь захотелось прильнуть к его груди, почувствовав громкий стук сердца, и ощутить крепкие объятия. «Володька, мой любимый Володька, мой муж, как же я по тебе соскучилась!», – впервые с грустью подумала Лена, глядя с завистью на обнимающуюся молодую парочку.

С Мариной, как только Лена приехала в Москву, часто перезванивались, но в гости, как подруга ее не зазывала, не могла решиться пойти, придумывая множество неотложных дел. Дело в том, что Марина ждала ребенка, и Лену пугала своя непредвиденная реакция при виде беременной подруги. «А вдруг я не сдержусь и разрыдаюсь, и тем самым напугаю и расстрою Маришку», – думала она, откладывая свой визит на неопределенное время. Но за несколько дней до отъезда она все-таки набралась решимости и, улыбающаяся, с тортом в руках, появилась у знакомой двери.

– Ой, Маринка, какая ты красивая! – воскликнула Лена, увидев подругу. Если Лена практически не красилась, то

Марина даже дома пребывала в полной боевой раскраске: густые фиолетово-сиреневые тени, синяя тушь на длинных ресницах и в завершении образа модной девушки 80-х – перламутровая сиреневая помада на губах.

– Проходи, Ленок, быстрее, сквозняк, боюсь простыть, мне сейчас себя беречь надо, – ответила Марина, запахивая на груди красивый шелковый халат.

Подруги обнялись, у обоих на глазах появились слезы.

– Маринка, ты действительно похорошела. Животик уже так округлился! Сколько уже недель? – деловито спросила Лена.

– Тридцать две, уже рожать скоро. Врач меня гоняет, говорит – стремительно вес набираю, могу ребенка перекормить. А я не могу себя остановить, в последнее время на сладкое и печеное тянет. Вот и ты тортик притащила! Ну, давай ставь чайник, будем чай пить. Как же долго я тебя не видела! Все такая же худая! Куда только Володька смотрит! Рассказывай, как ты, как служба?

– Давай, Мариночка, обо мне позже поговорим, – отводя взгляд, ответила Лена. – Лучше ты о себе рассказывай. Как это ты рожать решилась? А говорила, что не раньше тридцати, и чтобы муж законный рядом... – быстро заговорила она, стараясь придать голосу бодрости.

– Ну, как видишь, Ленок, законного мужа нет. Я уже от Вадьки два аборта сделала, когда в третий раз забеременела, то врач категорически запретил прерывание беременно-

сти. Да я особо и не сопротивлялась. Мама также настояла, говорит, что с работы уйдет, чтобы возиться с внуком или внучкой.

– А как отец отнесся к такому повороту? Ведь он у вас при должности...

– Когда мать ему рассказала про ребенка, то орал так, что все соседи слышали до первого этажа, чуть ли не шалавой меня обзывал. Когда же меня увидел, то видно уже успокоился и только спросил, кто отец ребенка. Ну, я наплела что-то про старшекурсника, которого разлюбила, а срок беременности уже большой... Короче, всякую муть, в которую верят мужчины. Не могла же я ему сказать, что отец твоего будущего внука, папочка, твой заместитель, добропорядочный семьянин и отец двоих детей! – в запальчивости произнесла Марина.

– А как Вадька?

– Ой, Леночка, такой клубок за три года завязался, не распутать! Представляешь, оказывается, жена Вадима уже два года знает про меня, а развод давать не собирается. Второго ребенка родила, думала – муж одумается. Вот стерва! – хлопнула ладошкой по столу Марина.

– А мне ее жаль. Двоих его детей воспитывает, а он на стороне еще и третьего завел. Прости, Маришка! – воскликнула Лена, увидев, что девушка вот-вот расплачется, и бросилась обнимать подругу.

– Да я и не обижаюсь. Может ты и права, ты ведь тоже –

замужняя. Мы с тобой по-разному смотрим на эту ситуацию – ты, как вечная жена, а я – вечная любовница, – с горечью сказала Марина.

Обе надолго замолчали, сосредоточившись на торте с чаем.

– Да, Ленка, недавно Сережка звонил, – прервала молчание Марина, – спрашивал, как Елка.

«Надо же, не забыл», – с грустно подумала Лена.

Елкой звал ее отец, и она как-то в разговоре рассказала об этом Марине, а та Сергею, а он запомнил...

– Знаешь, Маришка, я за Володей как за «каменной стеной» и люблю его, но в последнее время у меня иногда возникают мысли, как бы сложилась моя жизнь, если бы выбрала тогда не его, а Сережку. Мне с ним было легко, он меня чувствовал на интуитивном уровне...

– В истории нет сослагательного наклонения, подруга, – перебила ее Марина.

– Это я так, от безделья, – с грустью сказала Лена. – Как он, не женился?

– Не, Сережка делает карьеру, служит под Норильском, на хорошем счету. Его родители мечтают перевести его в Москву, в штаб, – ответила Марина.

– Я знаю. Они ведь с Володькой помирились. По телефону.

– Да? А ты мне об этом не говорила, – удивилась Марина.

– Как-то не пришлось. Да и Володя вскользь обмолвился

всего парой слов. Притворился, что до сих пор ревнует, – ответила с улыбкой Лена.

– И не напрасно ревнует! Серега только и расспрашивал о тебе, даже спросил, какую ты прическу носишь. А когда я задала вопрос, есть ли у него девушка, то знаешь, что он ответил? – заинтригованно спросила Марина.

– Ну и...

– Ответил, что есть и даже много, а ту, единственную, как Елка, до сих пор не встретил. Вот так!

И снова подруги надолго замолчали, думая каждая о своем.

– Лена, извини, за бестактность, вы, что детей не хотите иметь? Уже больше года вместе, штамп в паспорте..., – в затянувшейся паузе спросила Марина. То, что у Лены около двух месяцев назад случился выкидыш, она не знала.

Тут уже Лена не смогла сдержаться, с ней случилась настоящая истерика. Слезы полились ручьем, и сквозь них она сбивчиво рассказала Марине о случившемся. Та гладила ее по спине, молча сопереживая ее несчастью. «Как Маринка изменилась, раньше бы закатила целую тираду, о том, что у меня еще вся жизнь впереди и детей успею нарожать...», – успокаиваясь, с благодарностью отметила Лена. Она прижалась головой к ее округлившему животу, почувствовав там другую жизнь, слабые движения еще не родившегося малыша, и притихла. Слезы на лице высохли, а губы растянулись в умиротворенной улыбке, впервые за последнее время.

Потом они с Маришкой долго сидели в уютной кухне, допивая остывший чай.

– Леночка, вот ты сейчас здесь живешь с мамой, раньше писала, что Володька, часто в командировки ездит, может у него такая же, как я появилась? Он мужчина видный, за таким глаз да глаз нужен! – неожиданно сказала подруга, внимательно рассматривая пустую чашку.

– Скажешь тоже, Маринка! Во-первых, в командировки он ездит не один, обязательно кто-то бы проговорился жене, и та в свою очередь с радостью поделилась бы со мной или с моими соседками. Во-вторых, ты же знаешь, как он меня любит. Мама говорит, что он просто боготворит меня и старается ограждать по возможности от всех проблем. Это я иногда поступаю как эгоистка. Ну а в-третьих, мне кажется, я бы сразу это почувствовала, – ответила ей Лена.

– Да-да, их почувствуешь! – с сарказмом сказала Марина.

– Знаешь, Маришка, уже больше года мы Володей вместе, а я долго так и не понимала, люблю ли я его, или только принимаю его любовь, играя в любящую жену. И только в разлуке с ним пришло осознание, что люблю. По-настоящему.

А вообще, Маришка, что такое любовь, о которой так много пишут? – задала вопрос скорее себе, чем подруге, Лена. – Ты заметила, в лучших мировых произведениях больше повествуется о любви мужчины к женщине, а женщина – это как образ для поклонения, отвечающая на его любовь. Ее любовь либо жертвенная, либо зависимая. Вот приведи мне

пример настоящей женской любви сравнимой с мужской?

– Ну, например, Татьяна Ларина. Хотя, пожалуй, у нее больше похоже на влюбленность, – ответила Марина.

– Но, по крайней мере, она влюбилась и не побоялась первая в этом признаться, а не отвечала на любовь, как большинство из нас, – сказала Лена. – А Анна Каренина? На мой взгляд, она зависима от своей любви, любит, прежде всего, себя и свою любовь. Между тем, ее любят трое мужчин – Каренин, Вронский и сын Сережа, а она никого не сделала счастливым. Да и знаменитая Катерина, погибшая из-за любви...

– Я с тобой не соглашусь, Ленок. Думаю, что женская доля – это жертвовать, зависеть, ждать... как у меня, и это и есть любовь...по крайней мере для большинства русских женщин.

Они еще долго рассуждали об особенностях женской и мужской любви, пока их затянувшиеся «девичье» общение не прервал телефонный звонок. Звонил Вадим. Марина сразу расцвела, услышав его голос. «Ну, разве это не зависимость? Или все-таки любовь?», – глядя на подругу, подумала Лена.

Глава 6

Через два года Володю уже в чине старшего лейтенанта перевели в Днепропетровск. Квартиру или комнату пообещали через месяц, а пока им временно сняли комнату в центре города у пожилой четы. Володя на следующее же утро на

неделю уехал в командировку, и Лене не впервые пришлось в одиночестве обустраивать их семейный уголок. Все что она сделала, так это вымыла окна и пол и уже через пару часов гуляла по мощенным булыжником мостовым и широким зеленым бульварам старого центра города. В апреле он походил на огромный сад, утопающим в цветущих каштанов и акаций. И Лена буквально влюбилась в город с первой же прогулки.

Домой она возвратилась поздно вечером и застала следующую картину: хозяйка дома, полная рыхлая женщина лежала на полу в коридоре, перегородив телом вход в свою комнату. Лена, не раздеваясь, бросилась к ней, но через минуту поняла, что произошло. Пожилая женщина была мертвецки пьяна и, видимо, не дойдя до своей комнаты, просто рухнула у двери, крепко заснув пьяным сном. Заглянув в «хозяйскую» комнату, она увидела храпящего на диване хозяина. Перешагнув с опаской и отвращением лежащую женщину, Лена зашла в свою комнату, закрыла изнутри дверь на ключ и не выходила до утра. Она еще никогда в жизни с не сталкивалась пьющими людьми и как поступить, если они постучат к ней – не знала. От пережитого страха она заснула, когда в окне забрезжил рассвет. Утром, не выспавшись, она вышла из комнаты, чтобы умыться, и увидела мирно завтракающую пожилую чету.

– Доброе утро, – тихо поздоровалась она, опустив глаза и не глядя в их сторону, и как мышь прошмыгнула в ванную

комнату и обратно.

Через несколько минут в дверь постучали. «Начинается!» – подумала в страхе Лена, и, стараясь придать голосу решимости, громко сказала:

– Войдите!

Это был Иван Степанович, хозяин квартиры, невысокий сухощавый мужчина лет шестидесяти, с щетиной трехдневной давности и спутанными курчавыми волосами с проседью. Внешне, он был полной противоположностью своей дородной высокой супруги со следами былой красоты. Про таких женщин говорят «бой-баба».

– Дочка, вижу, напугана ты после вчерашнего..., а может, и презираешь нас. Пенсию нам вчера принесли..., – смущаясь заговорил он.

Лена молчала, опустив глаза, не в силах посмотреть ему в лицо и хоть что-то ответить.

– Да, пьем мы с Марьей Антоновной, но пьем то с горя! Сын у нас, единственный – Славик, погиб в Афганистане, в цинковом гробу похоронили... Сначала я стал пить, а потом и жена, чтобы мне меньше доставалось, стала выпивать. Ты не думай, мы не запойные, но еще два дня будем выпивать. Так что извини, дочка, – сказал он и не дождавшись ее ответа, направился к выходу.

– Это вы меня извините, – неожиданно для себя сказала Лена, подняв голову и увидев поникшую спину пожилого мужчины. Иван Степанович обречённо махнул рукой и даже

не обернувшись, вышел, плотно закрыв за собой дверь.

«Какая я все-таки ... чистоплюйка. Какое право я имею кого-то осуждать! Мне надо было вчера помочь встать пожилой женщине, чтобы добраться до кровати. Хотя, конечно, маловероятно, что я смогла ею даже приподнять, а я – носик зажала и трусливо перешагнула через беспомощную женщину! Хороша, нечего сказать! Очень гуманно!», – корила Лена себя. Но в душе она осознавала, что повторись подобное сегодня – Марью Антоновну она, вряд ли, будет поднимать, гуманно это или не гуманно. Она выросла в другой среде, где никто и никогда не напивался до бесчувствия, не устраивал разборки и драки... Это был другой мир, незнакомый, никогда не пересекающийся с ее миром, в котором она выросла и жила.

Лена вспомнила, как рыдала мать, когда трагически погиб ее муж, с которым она в любви прожила десять счастливых лет. Но никогда у Елены Сергеевны не возникало порыва найти утешение в бутылке. У нее остался ребёнок, их любимая дочь. А у этих пожилых людей единственный сын погиб. «Мы с Володей тоже потеряли ребенка, но мы молоды, у нас есть еще надежда стать родителями, а у этой пожилой пары этой надежды нет, остались только воспоминания, – опять стала укорять себя Лена. – Как все не просто и неоднозначно в этом мире!».

Когда из командировки вернулся Володя, и она поделилась с ним произошедшим и своими мыслями-сомнениями.

– Ничего не запутанно! Солнышко, не надо себя корить и их жалеть. Не у них единственных сын погиб на войне! Но не все же топят горе в бутылке, надо достойно нести память о сыне-герое, – возмущенно говорил Володя.

– Все люди разные. Володя, ты рассуждаешь, как военный, командир. А я – как женщина, и, надеюсь, будущая мать, – успокаивала она его, уже жалея, что рассказала о случившемся.

Тут в дверь постучали, на пороге в парадном пиджаке, надетом поверх грязной майки, стоял Иван Степанович.

– Извини, командир. Мы тут твою красавицу напугали, больше такого не повторится! – клятвенно заверил он, шмыгая острым носиком в красных прожилках и виновато глядя Володе в глаза.

– Ладно, Степаныч, – уже миролюбиво ответил Владимир. – Всякое бывает, а память о геройском сыне не советую топить в бутылке.

А потом вдруг вскочил со стула и, отчаянии махнув рукой, произнес:

– Какой я вам советчик, Иван Степанович, поступайте, как можете! Я не в праве вас осуждать!

И двумя огромными шагами Володя пересек маленькую комнату и замер у окна, повернувшись спиной к присутствующим. В комнате повисла напряженная тишина. Иван Степанович растерялся и неспешно вышел, тихо прикрыв за собой дверь. Лена с тревогой смотрела на мужа. Наконец он

повернулся и с комком в горле сказал:

– Вспомнил, как к соседнему подъезду в нашем доме военные привезли цинковый гроб, и как женщина, голосившая в голос, обхватила его руками и ее долго не могли оторвать от него. Мать, наверное.

Лена встала, подошла к нему и обняла за плечи.

– Ты, как всегда права, солнышко. Потерять единственного сына, это огромное горе и не все могут с эти смириться. Да и не надо, – тихо произнес Володя, прижимая голову жены к груди. Так они и стояли, прижавшись друг к другу, каждый по-своему осмысливая случившееся.

– Но в любом случае надо найти другое жилье. У меня через несколько дней командировка, я не могу оставить здесь тебя одну, – нарушил молчание Володя.

Через несколько дней им дали обещанную квартиру и тоже в центре. Сидеть дома Лена не захотела и устроилась со своим незаконченным историческим образованием чертежницей в конструкторское бюро по проектированию жилых домов. Ей очень понравился коллектив, состоящий в основном из молодых творческих людей. Они бурно спорили, отстаивая свои «гениальные» идеи в огромной комнате, уставленной кульманами и чертежными досками. Ребята не только общались на работе, но и часто выезжали на природу, где также под бутылочку дешевого портвейна шумно что-то обсуждали, будь то фильмы Тарковского или самиздатовский

роман Пастернака «Доктор Живаго».

Лена быстро стала «своей» в этом дружном коллективе, она каждое утро с удовольствием спешила на работу, за свой стол с калькой и чернильным рейсфедером. Володя даже начал ее немного ревновать и к работе, и к коллективу. Но видя, как она расцвела, как горят ее глаза, радовался, что она не скучает, пока он целыми днями на работе, или того, хуже, неделями в командировке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.